

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.06.09

ПЕРЕГОВОРЫ О БРЕСТСКОМ МИРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ЛИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Михалёв Д.О.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена переговорам о заключении Брестского мира. Автор рассматривает основные этапы переговорного процесса, позиции и подходы сторон, препятствия на пути заключения мира. Особое внимание уделяется тактике, выбранной сторонами для достижения обозначенных целей. Подходы, предлагаемые В. И. Лениным, Н. И. Бухариным и Л. Д. Троцким, отличались кардинальным образом и привели бы к совершенно разным исходам. Представляется особенно интересным проследить как личные качества политических деятелей того времени определили движение государственной машины, которая, казалось, в силу своей неповоротливости, не терпит сиюминутных веяний. Автор отмечает, что особенно отчётливо роль фактора личности в международных отношениях прослеживается в действиях Л. Д. Троцкого на переговорах, который, исходя из собственных убеждений, позволил себе отступить от установок правительства и партии. Данный исторический период наиболее ярко продемонстрировал, что фактор личности имеет огромное влияние на формирование внешнеполитического курса государства, определение тактики и стратегии страны, способен изменить ход истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Брестский мир, международные отношения, Декрет о мире, большевики, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий.

ВВЕДЕНИЕ

Среди великого множества самых разнообразных соглашений есть международные договоры, которые известны всем, потому что они являлись поворотными для истории мира и великих держав. Безусловно, к таковым относится и Брестский мир, подписанный 3 марта 1918 г. Этот сепаратный мирный договор между Советской Россией и Центральными державами (Германская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя, Болгарское царство) является одним из самых обсуждаемых вопросов среди учёных, публицистов, политиков и любителей истории.

Такой невероятный интерес обусловлен противоречивостью этого мира. Более чем за век ни одному историку не удалось дать окончательный ответ: являлся этот мир благом или злом для России. Одни убеждены, что заключение «похабного» мира — несомненная ошибка большевиков, так как, отказавшись от участия в военных действиях, Россия нарушила союзнические обязательства и самостоятельно лишила себя выгод державы-победительницы по итогам Первой мировой войны. Другие доказывают, что В. И. Ленин поступил исключительно правильно, добившись передышки для России. Третьи в своих конспирологических теориях заявляют, что Брестский мир — коварные происки внешних врагов [15, С. 28]. Представляется чрезвычайно интересным изучить роль фактора личности на переговорах, которые завершились подписанием мирного договора, ставшего историческим водоразделом.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Различным проблемам, связанным с подписанием и последствиями Брестского мира, посвящено множество научных работ. Условно всю советскую историографию Брестского мира можно поделить на три части.

Историография периода 1918 – начала 1930-х гг. была немногочисленна и часто носила эмоциональный окрас, ведь была написана под впечатлением от недавних событий. Одновременно работы тех лет отражали позиции политических сил, когда большевики ещё только шли к установлению однопартийного режима [1, С. 85]. Первыми проблему начали исследовать советские дипломаты и государственные деятели – И. М. Майский [8], Г. Я. Сокольников [11], И. З. Штейнберг [14], в основном в своих работах они оправдывают заключение Брестского мира, находя для этого разнообразные аргументы. Их труды интересны, прежде всего, тем, что они оценивают события, будучи их современниками, их труды – «окно» в ту эпоху, а не взгляд на мир через призму архивных документов. В. И. Ленин также вошёл в число первых историографов проблемы Бреста, написав на данную проблематику огромное количество работ: статьи, заметки, стенограммы выступлений позволяют узнать отношение руководителя молодого советского государства к конкретной проблеме в конкретный момент времени, что делает их очень ценными [6, 7].

В период со второй половины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. историография Брестского мира пополнилась значительным количеством работ, в которых исследовалась как история самого мирного договора, так и внутрипартийная дискуссия вокруг него. Отдельно стоит выделить фундаментальную работу А. О. Чубарьяна «Брестский мир» [13], увидевшую свет в 1964 г.

В современной России исследования Брест-Литовского мира продолжились. Публицист И. Н. Ксенофонтов «Мир, которого хотели и который ненавидели» [5] подробно исследует процесс заключения Брестского мира. Автор делает особый упор на анализ нормативно-правовых актов, приданных общественности, и высказываний высших должностных лиц эпохи. В 1992 г. вышла монография американского историка российского происхождения Ю. Г. Фельштинского «Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918» [12], который одним из первых, будучи совершенно свободным от прежних идеологических догм, предложил альтернативный взгляд на Брестский мир и его последствия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Основой для выработки линии советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске стал первый декрет Советской власти — Декрет о мире — принятый единогласно 26 октября 1917 г. Важно понимать, что внешнеполитический курс молодого советского правительства был сформирован ещё задолго до издания Декрета о мире. Декрет был логическим продолжением и следствием ленинской теории [13, С. 35]. Вернувшись из эмиграции в Петроград, В. И. Ленин в ночь с 3 на 4 апреля зачитал тезисы своего будущего доклада «О задачах пролетариата в данной революции». В «Апрельских тезисах» проявлялась резко критическая настроенность по отношению к войне, как писал В. И. Ленин «грабительской и империалистской», высказывалась необходимость подписания мира [6, С. 113–114]. Отмечалось, что мир должен заключаться «при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала» [6, С. 113–114]. Эти установки будут кочевать из выступления в выступление, из статьи в статью. На основании тезисов, высказанных на площади Финляндского вокзала, в докладе на собрании участников всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, в различных программных документах, и будет создан Декрет о мире.

Подготовка к переговорам началась сразу же после подписания перемирия. Уже 5 декабря совещание в Бад-Крейцнахе под председательством кайзера Германской империи Вильгельма II занялось выработкой условий будущего мирного договора с Российской Советской Республикой. Большевики готовились к переговорам, по большей части распространяя агитационные листовки среди немецких солдат и публикуя «Обращение к трудящимся массам всех стран», в котором призывали бороться за всеобщее перемирие и всеобщий мир [4, С. 59].

Переговоры о мире начались 9 декабря. Основываясь на положениях Декрета о мире, советская сторона на первом же пленарном заседании предложила положить в основу мирных переговоров шесть пунктов. Во-первых, не допускать насильственных присоединений и вывезти из оккупированных территорий войска, во-вторых, восстановить политическую самостоятельность всех народов, которые её потеряли, в-третьих, гарантировать национальным группам возможность решить вопрос о принадлежности к тому или другому государству, в-четвёртых, обеспечить культурно-национальную автономию национальным меньшинствам, в-пятых, отказаться от контрибуций, в-шестых, решать колониальные вопросы на основании первых четырёх пунктов [4, С. 60–61].

И хотя заявление советской делегации спровоцировало глубокие противоречия среди германских элит, которые вынуждены были несколько раз откладывать встречи в рамках переговоров, немецкая сторона спустя некоторое время приняла формулу «без аннексий и контрибуций», но момент согласия был очень краток. Сразу же разгорелись споры касательно того, какие земли можно считать аннексированными, какие входят в состав суверенного государства, а какие являются независимыми и самостоятельными, в первую очередь стоял вопрос о судьбе Польши, Литвы и Курляндии, которые по версии немецкой стороны не могли попадать под определение аннексированных земель, так как уже являлись независимыми.

Переговоры вскоре прервались, так как по предложению советской стороны был объявлен десятидневный перерыв до 26 декабря, чтобы «дать последнюю возможность союзным странам принять участие в дальнейших переговорах» [4, С. 67–70].

Следует понимать, что на конец 1917 г. у России уже не было боеспособной армии, соответственно была очевидна абсолютная невозможность для Советской республики продолжать войну [10, С. 64]. Яркой иллюстрацией положения русской армии стал общеармейский съезд по демобилизации армии, который открылся в Петрограде 15 декабря 1917 г. и продолжался до 3 января 1918 г. Делегатам раздали анкеты и предложили ответить на ряд вопросов, касательно участия России в мировой войне. Результаты были неутешительными: русская армия небоеспособна, в случае возобновления военных действий удержать рубежи не сможет.

На следующий день состоялось заседание СНК, на котором было принято решение максимально затягивать переговоры. Такое решение было обусловлено надеждами на скорую мировую революцию, на создание новой боеспособной армии, которая смогла бы отразить удар, на победу союзных держав. На этом заседании В. И. Ленин предложил Л. Д. Троцкому самому выехать на переговоры и возглавить делегацию, чему последний был не очень рад и характеризовал свою поездку, как «визит в камеру пыток», хотя и вынужден был согласиться.

А. О. Чубарьян отмечает, что «тактика затягивания переговоров была выгодна для Советской республики тем, что давала время для проведения коренных преобразований в экономической и политической жизни России, была целесообразна, потому что давала Советской республике, изолированной со всех сторон, возможность использования трибуны конференции» [13, С. 107]. Однако едва ли можно было надеяться, что недели или даже месяцы окажутся достаточными советской власти для того, чтобы после продолжительной войны и революции изменить экономический уклад страны, успокоить внутреннее волнение и консолидировать общество для внешнеполитических успехов.

Стараясь затянуть переговоры, двадцатого декабря советское правительство телеграфировало М. Гофману предложение перенести место обсуждения условий мира на нейтральную сторону – в Стокгольм. Против этого резко выступил император, о чём и было сообщено в ответе. Позже вопрос изменения места проведения переговоров ещё не раз всплывёт в ходе дискуссий о мире, инициировать его обсуждение советская сторона будет регулярно.

Конференция возобновила работу 27 декабря 1918 г., если немецкая и австрийская стороны приходили на заседания, чтобы добиться скорейшего заключения мира, то советская сторона приходила на заседания для дальнейшего затягивания переговоров. Л. Д. Троцкий великолепно справлялся с поставленной ему задачей: когда немецкая сторона говорила о независи-

мости Польши, Прибалтики и Украины – Л. Д. Троцкий соглашался с этими тезисами, но стоило делу дойти до закрепления пунктов в документах, как Л. Д. Троцкий отказывался от подобных условий и требовал их дальнейшей проработки [5, С. 189]. Было бы ошибочно полагать, что немецкая сторона не понимала политики Л. Д. Троцкого: в ходе переговоров М. Кюльман направил канцлеру Г. Гертлингу личное письмо, в котором заявлял, что не верит «в желание Л. Д. Троцкого вообще прийти к приемлемому миру», отметив, что в действительности Л. Д. Троцкого не волнует судьба России, а заботит лишь будущее мировой революции. Р. Кюльман предупредил, что Л. Д. Троцкий, вероятно, намеренно затягивает переговоры, ожидая начала революции в Германии [12].

Переговоры в Бресте осложнял ещё один момент – появление двух украинских делегаций. Одна делегация была от Украинской Рады, другая – от ЦИК Советов Украины. Всё это создало целый узел противоречий, решить который было очень непросто, учитывая, что каждая сторона вела свою собственную игру, даже у Центральных держав не было единой линии (стороны были готовы заключать мирные договоры отдельно друг от друга).

Немецкую сторону не устраивали общие слова и бесконечные споры о судьбе земель, некогда входивших в состав Российской Империи, на заседании 5 января М. Гофман представил делегатам карту Европы с очерченными линиями будущих границ, предложил с ней ознакомиться и попросил дать ответ по существу. В такой ситуации тянуть время было затруднительно, единственный ход, который всегда был «в кармане» у Л. Д. Троцкого – попросить перерыва для проведения консультаций с руководством страны, тем более за несколько дней до этого, 3 января, В. И. Ленин сообщил по прямому проводу в Брест-Литовск: «Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер» [5, С. 200]. Против перерыва М. Гофман не возражал, поэтому очень быстро было принято решение возобновить мирную конференцию 16 января. Шестого января Л. Д. Троцкий выехал в Петроград.

Не успел Л. Д. Троцкий вернуться из Бреста, как между высшим руководством страны начались обсуждения, перешедшие в противостояние. Восьмого января на совещании ЦК РСДРП(б) чётко были обозначены три точки зрения: В. И. Ленин предлагал немедленно заключать мир на тех условиях, которые предложены немецкой стороной, второй вариант – ведение революционной войны (Н. И. Бухарин), Л. Д. Троцкий традиционно предложил срединный вариант по формуле «войну объявить прекращённой, но мира не подписывать, армию демобилизовать», по итогам голосования большинство высказалось за идею революционной войны.

Говоря об этом совещании, В. И. Ленин отмечал, что «большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дают увлечь себя «ярким» лозунгом, не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики» [13, С. 134]. Очевидно, В. И. Ленин остался недовольным принятым решением. Он был убеждён, что, учитывая отсутствие боеспособной армии и крайне негативное отношение крестьянства (наиболее многочисленный класс в России) к продолжению боевых действий, революционная война чревата катастрофическими последствиями для страны и потерей большевиками власти, в связи с чем, по мнению В. И. Ленина, было бы целесообразнее пойти на подписание грабительского мира [2, С. 30].

Наиболее важным событием этих дней следует считать заседание ЦК партии 11 января. На нём вновь обсуждались уже упомянутые точки зрения. В. И. Ленин смог доказать, что революция в Германии не разовьётся, так как ещё не сформировались все необходимые условия, а массы ещё не готовы. В. И. Ленин заявлял: «Германия ещё только беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребёнок – социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну» [7, С. 256]. В итоге, по требованию В. И. Ленина было принято решение не призывать к революционной войне.

Конференция в Бресте возобновила свою работу 17 января, переломным днём на новом этапе переговоров стало 27 января. Именно тогда страны Четверного союза подписали мирный договор с Радой, примечательно, что, по сути, делегация от Рады уже никого не представляла, так как в Киеве уже была установлена Советская власть, как остроумно подметил Л. Д. Троцкий, «единственной территорией, где ещё держалась Рада, был Брест-Литовск» [7, С. 254].

С учётом случившегося, ситуация на переговорах стала ещё более сложной и неоднозначной. Двадцать восьмого января Л. Д. Троцкий передаёт участникам переговоров заявление от имени СНК, в котором заявляет об окончании войны, об отказе подписывать аннексионистский договор и о демобилизации армии [7, С. 265]. В этот момент Л. Д. Троцкий принимает решение отойти от директив В. И. Ленина и ЦК партии, можно сказать, что он начинает свою игру. Р. Кюльман и М. Гофман будучи совершенно неготовыми к такому заявлению, и, не понимая, как на него реагировать, сообщают о необходимости обсуждения и проведения переговоров с руководством страны. Более того, у делегации Четверного союза в тот момент была установка не форсировать переговоры, так как внутривосточная обстановка в Австро-Венгрии и Германии была весьма напряжённой (в условиях революционного подъёма было рискованно резко срывать переговоры). Однако Л. Д. Троцкий намеренно лишает себя появившейся возможности растянуть переговоры, он требует немедленного ответа, заявляет о своём отъезде в Петроград, по сути, он прекращает переговоры.

Действия Л. Д. Троцкого в Бресте не могли пройти без последствий, 16 февраля (с 1 февраля 1918 г. в России вступил в силу Декрет о введении западноевропейского календаря) М. Гофман вручил генералу А. А. Самойло сообщение, в котором говорилось, что «перемирие с Российской Республикой прекращается 18 февраля в 12:00, по причине неподписания мира» [7, С. 282]. В те же дни М. Гофман записал в своём дневнике: «Решение приступить опять к военным действиям – самое правильное.... Пока мы не дойдём до озера Пейпус, мы не остановимся» [13, С. 165].

В России этому сообщению о возобновлении боевых действий вовсе не обрадовались, особенно негодовал В. И. Ленин, 17 февраля на заседании ЦК РСДРП(б) он предлагал немедленно предпринять усилия для возобновления переговоров (предложение не было принято, не хватило 2 голосов). Цепляясь за последнюю возможность потянуть время, НКВД направил ноту Правительству Германии, уточняя, не является ли сообщение, переданное А. А. Самойло, провокацией [4, С. 105–106].

После полудня 18 февраля немецкие войска начали наступление, к двум часам дня уже был захвачен Двинск, австрийские войска вторглись на территорию Украины. Стоит сказать, что изначально намерения противника Российской Республики известны не были – это мог быть захват колоссального военного имущества частей и подразделений переднего края обороны или прорыв вглубь страны по ряду направлений [9, С. 46]. События развивались стремительно и требовали незамедлительных решений, 19 февраля было созвано экстренное заседание ЦК партии. В. И. Ленин выступил на нём со следующими словами: «Шутить с войной нельзя. Мы теряем вагоны, и ухудшается наш транспорт. Теперь невозможно ждать, ибо положение определено вполне. Немцы теперь будут брать всё. Игра зашла в тупик.... Теперь нет возможности ждать. Это значит сдавать русскую революцию на слом» [7, С. 336]. На заседании составили радиogramму от СНК Правительству Германии. В радиogramме высказывалось согласие подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске.

Однако теперь ситуация изменилась, и время больше не работало на Советскую власть, наоборот наибольшую пользу из него могла извлечь немецкая сторона. В Германии было приятно решение перенять советский опыт и затягивать ситуацию как можно дольше, а тем временем продолжать наступление, чтобы в будущем вести переговоры с наиболее выигрышных позиций и иметь возможность диктовать условия. Ответ на запрос Л. Д. Троцкого о возможной провокации пришёл только 19 февраля, тогда же пришёл ответ на радиogramму СНК. Ответ был весьма ироничным: немецкая сторона заявляла, что радиogramма никак не может служить

официальным предложением, и во избежание провокаций попросила направить курьера – так переговоры были отложены ещё на несколько дней.

Пока курьер добирался до Берлина, в России ситуация была чрезвычайной. Двадцать первого февраля СНК принял декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», в котором советы и революционные организации обязали «защищать каждую позицию до последней капли крови» [7, С. 357–358].

Курьер В. М. Турчан вернулся в Петроград 23 февраля с запечатанным пакетом, в котором содержались 10 условий Германии, при которых она согласна начать переговоры. В тот же день на заседании ЦК партии большинство решило принять условия мира и начать подготовку к революционной войне, 24 февраля ВЦИК одобрил условия мира, через несколько часов в Берлин за подписью В. И. Ленина была отправлена телеграмма с предложением принять делегацию в Брест-Литовске для подписания договора.

Особый интерес представляет интервью Народного комиссара по иностранным делам, опубликованного в «Известиях ВЦИК» от 24 февраля 1918 г. Л. Д. Троцкий выдвигает два тезиса: первый объясняет причины проведения политики «ни мира, ни войны» – «довести до сведения трудящихся масс Германии, что предложенный нам мир является аннексионистским, хищническим, грабительским <...>, призывая тем самым германский рабочий класс немедленно поддержать нас» [3, С. 312]. Второй указывает на истинные причины германского нападения – «сокрушить русскую революцию, восстановить буржуазно-помещичий и монархический порядок» [3, С. 311]. В интервью Л. Д. Троцкий явно лукавит, утверждая, что «Германия, нарушив постыднейшим образом условия перемирия, открыла без предупреждения разбойничье нападение в нескольких пунктах фронта» [3, С. 311], ведь в действительности об окончании перемирия советское правительство известили заблаговременно.

И хотя 24 февраля советская делегация выдвинулась в сторону Бреста, военные действия ещё не закончились – немцы продолжали развивать наступление, двадцать пятого февраля были взяты Ревель и Борисов. В «Заметке о необходимости подписать мир» В. И. Ленин писал: «Мы сию минуту воевать не можем, ибо армия против войны, армия воевать не может. Неделя войны с немцами, перед которыми просто бежали наши войска, с 18 по 24 февраля 1918 г., вполне доказала это» [7, С. 384]. Двадцать шестого февраля в Берлин прибыл курьер с ответом на Германские условия, вскоре на переговоры выехала немецкая делегация [5, С. 339].

По прибытии в Брест-Литовск 28 февраля советская делегация в своём заявлении выразила протест по поводу того, что боевые действия всё ещё не были прекращены, и немецкие военные части продолжали продвижение в сторону Петрограда. Тем не менее, немецкая сторона была непреклонна: посланник Ф. Розенберг заявил, что военные действия будут прекращены только после подписания мира.

На последнем этапе переговоров советская сторона делала всё, чтобы подписать мир как можно скорее; трёхдневный срок, установленный немцами, казался на тот момент вечностью. Немецкая же сторона, стремясь ещё затянуть переговоры и тем самым дать своим войскам возможность захватить новые территории России для получения более выгодных геополитических позиций.

С целью скорейшего заключения мира Г. Я. Сокольников даже дал согласие подписывать соглашение с Турцией на французском языке без оформления переводов, более того он был готов подписывать договор с Германией исключительно на немецком языке (перевод предполагалось сделать до дня ратификации) [5, С. 350, 353]. Требования немцев выходили за пределы ультиматума от 21 февраля (необходимо было передать Турции Карс, Ардоган и Батум), но несмотря и на это, было решено подписывать мир.

Третьего марта 1918 г. в Брест-Литовске открылось пленарное заседание мирной конференции. Каждая делегация высказала свою окончательную позицию по заключаемому миру, после непродолжительного перерыва стороны приступили к подписанию текста мирного договора. В 17 часов 50 минут все бумаги были подписаны, немецкая и австрийская делегация заявили, что военные действия в отношении Российской Республики полностью прекращены, заседание

было объявлено закрытым, а переговоры – законченными [5, С. 359–361]. Г. Я. Сокольников писал: «Прекратив войну, начатую царём, с Германией, советская республика не прекратила и не могла прекратить своей борьбы против неё своими методами» [11, С. 30].

ВЫВОДЫ

Придя к власти, большевики издают 26 октября 1917 г. Декрет о мире – плод множества выступлений, работ и трудов, который коренным образом изменил политику России в отношении её участия в Первой мировой войне. После череды встреч и переговоров Россия подписала перемирие и начала переговоры о мире со странами Четверного союза. Молодое советское правительство решило проводить политику «ни войны, ни мира» и некоторое время эта тактика имела успех. Советская сторона намеренно затягивала переговоры изобретая всё новые и новые способы: то предлагая перенести место проведения переговоров, то требуя полной открытости всего процесса, то отпрашиваясь на консультации с руководством, то приглашая другие государства для участия в заключении мира.

Чем же была обусловлена политика затягивания переговоров? Однозначного ответа не существует: быть может, советская сторона рассчитывала на пожар мировой революции, может, ожидала революции в одной лишь Германии, а может, надеялась на скорую победу стран Антанты. Вероятно, все эти идеи оставили свой след. Маховик истории показал, что остановить или замедлить его ход невозможно. После того, как Л. Д. Троцкий в ультимативной форме отказался подписывать мир, ровно как и вести войну, на молодую республику обрушилась немецкая военная машина. Советское руководство встало перед непростым выбором: либо потерять часть страны, но сохранить власть, либо потерять власть и, вероятно, часть страны. Руководство того времени считало, что выбирает меньшее из зол – мир был подписан и вскоре ратифицирован.

Таким образом, наиболее ярко фактор личности проявился во время обсуждений большевиками вопросов заключения сепаратного мира (позиции В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и Л. Д. Троцкого), а также в ходе самих переговоров, когда единоличное и несогласованное решение Л. Д. Троцкого поставить ультиматум изменило ход событий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Т. В., Лосик А. В. Брестский мир: результаты и перспективы исследования // Военно-исторический журнал, 2019. №5. С. 84–87.
2. Бажуков В. И. Концепция революционной войны в учении В. И. Ленина: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика, 2017. №1. С. 25–37.
3. Васильева Н. Ю. Хрестоматия по истории международных отношений XIX – начала XX в. М.: МГИМО-Университет, 2010. 360 с.
4. Документы внешней политики СССР 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / Министерство иностранных дел СССР; д-р экономических наук А. А. Громыко [и др.]. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1. 772 с.
5. Ксенофонтов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели : Докум. репортаж. М.: Политиздат, 1991. 416 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 31. 671 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 35. 599 с.
8. Майский И. М. Внешняя политика РСФСР, 1917-1922 / И. Майский. М.: Красная новь, 1923. 194 с.
9. Пилипенко С. А. Организация обороны советской республики в феврале 1918 года // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки, 2019. Т. 1. №1. С. 43–51.

10. Сагомоян А. А. Брестский мир: война и революция // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика, 2017. №1. С. 63–66.
11. Сокольников Г. Я. Брестский мир / Г. Сокольников. М.: Гос. изд-во, 1920. 31 с.
12. Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. 656 с.
13. Чубарьян А. О. Брестский мир / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Наука, 1964. 246 с.
14. Штейнберг И. З. Почему мы против Брестского мира / И. З. Штейнберг; Партия левых социал.-рев. (интернационалистов). М.: Революционный социализм, 1918. 31 с.
15. Якушев А. Н. Брестский мир: историческая необходимость или предательство большевиками национальных интересов России? // Закон и право. М.: «Издательство Юнити-Дана», 2018. №9. С. 27–36.

NEGOTIATIONS ON THE BREST PEACE AS A REFLECTION OF THE INFLUENCE OF THE PERSONALITY FACTOR IN INTERNATIONAL RELATIONS

Mikhalev D.O.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ABSTRACT

This article is devoted to the negotiations on the conclusion of the Brest peace. The author considers the main stages of the negotiation process, the positions and approaches of the parties, the obstacles to the conclusion of peace. Particular attention is paid to the tactics chosen by the parties to achieve the designated goals. The approaches proposed by V. I. Lenin, N. I. Bukharin and L. D. Trotsky differed radically and would lead to completely different outcomes. It seems particularly interesting to trace how the personal qualities of politicians of that time determined the movement of the state machine, which, due to its slowness, seemed to ignore momentary trends. The author notes that the role of the personality factor in international relations is clearly seen in the actions of L. D. Trotsky at the negotiations, who, proceeding from his own beliefs, allowed himself to deviate from the guidelines of the government and the party. This historical period most clearly demonstrated that the personality factor has a huge impact on the elaboration of the state foreign policy, the designation of tactics and strategy of the country, and can change the course of history.

KEYWORDS

Peace of Brest-Litovsk, international relations, Decree on Peace, Bolsheviks, V. I. Lenin, L. D. Trotsky.